

Александрова О.Н.

КРИТИКА АНГЛИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОМАНЕ ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА «КИППС»

Свои впечатления о сложившейся в Англии системе образования для выходцев из самых низов общества Герберт Уэллс изложил в своем романе «Киппс». В описании учебного заведения, в которой оказывается главный герой Артур Киппс, явно ощущаются факты из биографии самого автора. Поэтому мы смело можем ставить знак равенства: Киппс – это в какой-то мере сам Уэллс. Страсть писателя к знаниям тесно переплеталась у него с мечтой вырваться из замкнутого своего социального круга. В юности он должен был зарабатывать себе на учебу тяжелым, а иногда и унижительным трудом. Поэтому столь напоминающей жизнь писателя кажется история другого героя этого романа, больного туберкулезом социалиста Мастермена.

В 13 лет он был вынужден идти на фабрику: «Я весь день работал и полночи занимался», чтобы получить образование и как-то пробиться в жизни. Но «... эти подлые твари отменили в университетах стипендии для студентов старше девятнадцати лет – из страха перед такими, как я. ... К тому времени, как я успел чему-то научиться, все двери были уже закрыты» [1, с. 261-262].

Как и в юности самого писателя, страсть Киппса к знаниям все время натывается на реальные ограничения, налагаемые на него все той же Системой. Учителям в Академии было невыгодно хорошо учить, так как это повлекло бы за собой дополнительные расходы на образование. А в магазине, куда он поступил (по мнению дядюшки, Киппса-старшего, для того, чтобы приобрести профессию) его тоже не выгодно учить – вдруг захочет открыть собственное дело и станет конкурентом хозяина, да и система труда такова, что не оставляет никакой возможности для продолжения учебы: «Книг он не читал: где их достанешь, да к тому же хоть в заведении мистера Вудро и проходили скверно изданную со скверными примечаниями «Бурю» (серия «Английские классики»), вкуса к чтению это ему не привило; он никогда не читал газет, разве что заглянет случайно в «Пикантные новости» или в грошовый юмористический листок. Пищу для ума он черпал лишь в перепалках, которые иногда вспыхивали между Каршотом и Багинсом ... » [1, с. 59].

Эта мечта о книге преследует Киппса всю жизнь. Планируя с Энн их будущую жизнь, мечтая о маленьком домике, Киппс обязательно предполагает завести себе кабинет, как у джентльмена, где бы он мог по вечерам у камина читать. Любовь Киппса к книге сравнима разве что с любовью к ней самого автора: «книг столько, что за целый век не перечитаешь. Человек, который не поленится вымыть руки и ухитрится прочесть книгу с неразрезанными страницами, каждый день может отыскать среди этого изобилия истинное сокровище» [1, с. 359].

Так, в конце концов, Киппс добивается осуществления своей мечты – он становится владельцем книжной лавки, членом товарищества «Объединенные книгопродавцы». В этом, безусловно, отразились просветительские фабианские социалистические идеи самого автора, так как «среди прочих блистательных и вдохновляющих затей придумали еще одно новшество: книги, купленные у них, они до истечения определенного срока принимали обратно как часть платы за новые» [1, с. 360]. Подобная деятельность помогала распространять знания среди средних слоев английского населения.

Уэллс уверен в том, что английское общество в целом не заинтересовано в том, чтобы интеллигенты в первом поколении, дети прислуги (как их называли в России – «кухаркины дети») могли получить столь же качественное образование, как и дети состоятельных слоев.

Глава академии, в которой оказывается Артур Киппс, – мистер Джордж Гарден Вудро – яркий образец столь широко распространившегося в Англии педагога (как тут не вспомнить описание английской школы для бедных в романах Чарльза Диккенса или Шарлотты Бронте!) - не врет напрямую, обещая родителям дать первоклассное образование их отпрыскам.

Он объявляет, что состоит членом уважаемого всеми научного Фарадеевского общества, но умалчивает, «что он уплатил некую сумму за поддельный диплом» [1, с. 29], наличие нескольких дешевых пробирок, некоторых химикатов, реторты и испорченной бунзеновской горелки объявлялось «научной лабораторией». Но особое внимание в школе уделялось заботе о «высокой нравственности» учеников и отличной постановке религиозного воспитания, которым «в наши дни столь часто пренебрегают даже в самых знаменитых учебных заведениях» [1, с. 29-30]. «Ну, уж на эту приманку они клюнут». – цинично заявляет мистер Вудро, прекрасно понимая, что родители, мечтающие, чтобы их дети получили образование хоть чуточку получше обычного, общедоступного, часто имеют возможность заплатить за это «самую низкую плату» и не станут требовать действительно хорошего образования хотя бы потому, что не всегда знают, каким должно быть само это образование.

Более того, возможность получить более качественное образование их пугает: «Если бы Киппсу выпало несчастье родиться в Германии, он мог бы получить образование в дорогостоящем специальном учебном заведении, где его основательно и всесторонне подготовили бы к этой деятельности, – такова немецкая педагогическая система («больно образованные» - наберутся там всякого, говаривал Киппс-старший)» [1, с. 47].

Затхлая школьная остановка способствовала развитию у детей жестокости – из-за постоянной скуки они развлекаются игрой в «Камеру пыток», издеваясь над слабыми. И, хотя глава академии твердил родителям, что «Воскресенья у нас самые счастливые дни», для Арти Киппса они оказываются «томительно пустыми «окнами» - ни работы, ни игр, только дважды походы в таинственную тьму церкви да среди дня кусок пудинга с изюмом» [1, с. 31]. Поэтому любая возможность для молодого человека вырваться оттуда превращается в дебош: Киппс, узнав, что навсегда покидает это благословенное богом учебное заведение, «всем своим врагам он надавал тумачков, повыворачивал руки и наподдал по ногам; ... Потом он сломал жиденькую тросточку Вудро, вырезал перочинным ножиком свое

имя и разбил окно в буфетной. Он так упорно твердил всем и каждому об ожидающей его карьере морского капитана, что уже и сам почти поверил в это» [1, с. 34].

Но этим мечтам не дано было сбыться: все мальчишеские мечты о сражениях с полчищами «туземцев», о кругосветных путешествиях разбиваются о реальность – дядя решил определить племянника по мануфактурной части. И это чужое решение определило всю судьбу Киппса.

История человека из народа Киппса имеет подзаголовок: «История простой души», что роднит это произведение с повестью Гюстава Флобера «Простая душа», рассказывающей о судьбе наивной и доброй женщины, не совершившей в жизни ничего великого, и прожитой незаметно для окружающих. Юный Киппс вообще-то очень напоминает Тома Сойера из знаменитого романа Марка Твена.

Киппс разделяет увлечение своего друга Сида бульварной литературой: «Он вытащил из кармана затрепанную книжицу, которая способствовала пробуждению его романтических чувств; протянул ее Киппсу и признался, что в ней есть один герой, баронет, не, прямо его собственная копия. Этот баронет – человек бурных страстей, которые он скрывает под маской «ледяного цинизма». Самое большее, что он себе позволяет – это скрежетать зубами» [1, с. 39-40].

Книга Твена «Приключения Тома Сойера», направленная против «литературы воскресной школы», в то же время полемизирует и с приключенческими романами. Как известно, произведения этого рода, изображающие в романтическом свете приключения разбойников, пиратов, являются любимым чтением Тома Сойера. На всем протяжении книги Том Сойер и его друзья разыгрывают сцены из прочитанных ими произведений авантюрно-приключенческого жанра. Слова «убийство» и «грабеж» для Тома и Гека исполнены романтического очарования и они, захлебываясь, обсуждают планы предполагаемых набегов на караваны путников, нагруженные золотом и серебром. Герои Уэллса разделяют мнение Тома Сойера в том, что «любовь состоит из преданности и жарких схваток, и все это с привкусом тайны» [1, с. 40]. Так и Артур Киппс и его друг Сид Порник разыгрывают сцены из прочитанных ими приключенческих романов о пиратах, мечтают поплавать на морских кораблях, как и все мальчишки их возраста, грезят о путешествиях и приключениях.

В течение всего романа Киппс мечтает о хорошем образовании. Это даже не мечта о красивой жизни в светском обществе. И герою здесь дано подняться над своей социальной средой, «войти в общество» и даже сделать несколько отчаянных попыток приобщиться к культуре, которые, впрочем, поселяют в нем лишь ощущение страха перед этой неизведанной, но явно грозящей опасностями областью.

Киппс благоговееет перед образованными людьми. Мисс Уолшенгем кажется ему удивительной красавицей только потому, что она принята в Лондонский университет. Этот факт из ее жизни кажется ему столь значительным, что для него уже оказывается неважным, что она этот университет не закончила. Он мечтает проникнуть мир образованных людей, кажущийся ему волшебным и недостижимым. «Он слышал, как легко и свободно, а иногда свысока они рассуждают об экзаменах, о книгах и картинах, с презрением – о последней академической выставке» [1, с. 73].

Он начинает посещать Общество молодых людей – просветительскую общественную организацию, пропагандирующую среди простых людей идеи самообразования. Правда, Киппс долгое время не может понять – как заниматься самообразованием при том ограниченном времени, которое ему оставляет в магазине Система мистера Шелфорда. Помогает ему в этом не просветительский доклад мистера Честера Филина, местного общественного политического лидера, делавшего ставку в своей политической карьере на участие во всевозможных комитетах и искавшего поддержки в рабочей среде, а случайно прочитанная статья о техническом образовании в газете привела его к стремлению получить техническое образование.

Ситуация в романе Уэллса несколько напоминает взаимоотношения между Руф и Мартином Иденом в романе Джека Лондона: молодой человек из низов общества под влиянием прекрасной женщины мечтает получить образование. И Элен Уолшенгем очень похожа на Руф, но Киппс, к сожалению, – не Мартин Иден. У него нет такой одержимости писательством, хотя мысль быстро разбогатеть писательским трудом ему тоже нравится. Жизнь писателя представляется ему вечным праздником: «И ведь не жизнь – малина. Попишут час-другой в день – и гуляй себе. Ни дать ни взять аристократы». А главное – жизнь у писателей «легкая да почетная, и все тебя уважают ... Всюду их портреты да фотографии... Только наденет новый костюм, и уже: шелк! Прямо как коронованные особы» – рассуждают друзья главного героя [1, с. 81].

Для Киппса мир науки – это почти рай. Но, как и герой Джека Лондона, он «мало-помалу справился с первым приступом благоговейного смирения, перестал ощущать себя существом низшей породы» [1, с. 74]. (ср. в романе «Мартин Иден»: «Этот вечер внес некую путаницу и разлад в чувства Мартина. Он немного разочаровался в своих устремлениях, разочаровался в людях, до которых хотел подняться ... подняться к этим людям было легче, чем он думал. Он мог подняться и выше .. и перегнуть тех, с кем хотел сравняться») [2, с. 197].

Киппс находит себе наставника – весьма воспитанного и любезного джентльмена по имени Честер Филин: «прямой и стройный, с великолепной осанкой, с крупной головой. Поглядишь на эту голову и сразу подумаешь: уж, наверно, к этого человека могучий и уравновешенный ум... он агент по продаже и сдаче внаем домов, человек чрезвычайно деятельный и воспитанный, всегда помнит, что он джентльмен, вращается в свете, но отдает дань и более серьезным сторонам жизни. Он неприменный деятель и участник самых разных начинаний, без него не обойдется ни прелестный, изящный любительский спектакль, ни общеобразовательные курсы» [1, с. 141-142]. Мистер Филин оказывается источником необходимых светских знаний, он даже знаком с военными в чинах, с одной титулованной особой – леди Паннет – и беседовал с ней о любительских спектаклях.

Вся эта светская мишура ослепляет доверчивого Киппса – ведь «заметьте, он называл такие имена без малейшего хвастовства, совершенно не предумышленно, а так, мимоходом» [1, с. 147]. Безусловно, Киппс не способен отличить фальшивую светскость мистера Филина от истинно утонченных манер и хорошего воспитания настоящих ин-

теллигентов. Просвещенный читатель постоянно ловит Филина на неграмотности, плохом выборе литературы, непонимании сущности философских вопросов, о которых он говорит с таким апломбом, постоянных ошибках во французском языке («А что такое тета-те¹? – спрашивает его Киппс, - Тета тей, - поправил Филин, - это разговор наедине» [1, с. 190].), обязательном для светских людей того времени позволяют считать, что и мистер Филин – это Киппс своего круга, самоутверждающийся за счет своего подопечного.

Но и здесь Киппс отличается от чванливых мещан своего окружения. В мистере Филине его привлекает не столько светская мишура, сколько приобщенность к культуре, недоступной для самого героя: «после каждого такого замечания Филин сразу вырастал в глазах Киппса; оказывается, он не только знаток какого-то Вагнера или Варгнера, брат особы, представившей картину на выставку в Королевской академии художеств, для которого культура вообще не книга за семью печатями» [1, с. 147].

Ирония Уэллса, может и не поднимается до уровня сатиры Маяковского в комедии «Клоп», где Олег Баян («исправляет» «нарождающийся тонкий вкус» товарища Пьера Присыпкина: «Вам в условиях буржуазного окружения и построения социализма в одной стране – вам развернуться негде ... вы Мулен Ружи и Пантеоны красотой телодвижений восхищать будете» [3, т.2, с. 486], но она не менее меткая и так же достигает своей цели. Так и Киппс начинает мечтать, что мистер Филин представит его со своим высокопоставленным знакомым, а может быть даже кому-нибудь из королевской семьи!

Киппс читает книги, выбранные только по рекомендации мистера Филина: «Сезам и лилии», «Сэра Джорджа Триседи», особо высоко ценимую «Жизненную энергию» и пособие «Как вести себя в обществе».

Мисс Элен Уолшингем становится для Артура Киппса идеалом образованной светской женщины. Он восторженно взирает на нее снизу вверх, его восхищает то, что она пытается писать рассказы. Киппс никак не может поверить, что такая образованная девушка, дальняя родственница самого графа Боупре, обратила на него внимание.

Киппс не замечает сословной спеси Элен и ее матушки. Они обе не обращали на него никакого внимания, когда он был приказчиком в магазине. Элен здоровалась с ним при встрече, что очень раздражало ее мать, так как продавец в магазине – это неподходящее для порядочной девушки знакомство, только потому, что он обучался у нее на курсах в классе резьбы по дереву, ведь нельзя же не узнавать своих студентов – это дурной тон. Но стоило молодому человеку разбогатеть, и миссис Уолшингем уже не замечала недостатков в его манерах: «Скоро они почти перестали замечать его неправильную речь и начали понимать то, что уже давно поняла девушка с веснушками: в этом Киппсе есть много хорошего. Он доверился им, ждал их совета, и обоим льстили его явное благоговение и почтительность» [1, с. 176].

Роман Уэллса «Киппс» принято (очевидно, чтобы противопоставить их его фантастике) называть бытописательским (по определению Ю.Кагарлицкого), это слово характеризует его слишком скромно. Даже если вспомнить о том вкладе в область социальной психологии, который Уэллс сделал своими портретами лавочников и приказчиков, об этих романах – все равно будет сказано далеко не все. Это романы об изжитой и буржуазной идеологии. И первый признак изжитости этой идеологии в том, что она сделалась попросту скучной. Незатейливость обстоятельств, в которых живут герои Уэллса, их ограниченность, смехотворность их представлений о жизни – прямое тому выражение. Конечно, они не какие-то идеологи. Многие из них, наверное, и слова такого не слыхали. Но каждый из них словно бы капелька воды, в которой отражается мир. Не весь, разумеется. Лишь тот, что доступен их обозрению. И отражается он в таких крошечных масштабах, что что-то уже не разглядеть. И все же это реальный мир, каким он является тем, кто неспособен выйти за его пределы. [см.: 4].²³

Как и всех остальных персонажей в романе, Киппса ужасает мысль, что благодаря «неподходящим знакомствам» его могут перестать замечать в этом столь желанном новом мире, понимание того, что любой недостойный человек будет немедленно из этого общества исключен, несмотря на все дружеские и родственные связи, пугает его. Арти не сомневается, что мистер Филин, скрепя сердце, исполнит «этот печальный долг» [1, с. 222].

Это чувство неуверенности испытывают в равной мере все персонажи романа Уэллса: воспитатели в академии, родственники и мать героя романа «Киппс» постоянно озабочены своим общественным положением. «Она позаботилась, чтобы его отдали не в обыкновенную начальную школу для простонародья, а в частный пансион в Гастингсе – своего рода академию среднего сословия с особыми головными уборами и иными атрибутами привилегированного учебного заведения, к тому же весьма недорогого» [1, с. 24]. Родители и опекуны посылали сюда детей прежде всего, «чтобы доказать свое превосходство над простыми смертными» [1, с. 29].

Взрослых совершенно не волнует то, что «Академия Кевендиша» не даст мальчику хорошего образования и не подготовит его к профессиональной деятельности. В этом обществе, где многие подражают утонченным вкусам аристократии и мечтают быть на нее похожими главным становится сохранение приличий: «Надо было прочесть молитву, ложку и вилку держать «как принято», то есть наиболее неудобным образом и даже самые вкусные блюда не съедать слишком поспешно» [1, с. 25].

Так и престарелые тетушка и дядюшка на попечение которых бросила Киппса мать, постоянно озабочены тем, чтобы выгладеть достойными столпами общества: «Они ни у кого не бывали, и к ним никто не ходил. К соседям и вообще ко всем чужим они относились недоверчиво, сторонясь людей «низкого звания» и презирая «выскочек», а потому, как и положено истинным англичанам, «жили сами по себе» [1, с. 26].

И, несмотря на постоянное подавление общительности мальчишки Киппса, старшему поколению так и не удается до конца внушить ему свои идеалы. Невзирая на запреты, Киппс-младший поддерживает «нежелательное знакомство», а вернее – дружбу с Сидом Порником, сыном соседа-галантерейщика, «и дружбе этой, правда с долгими

---

¹ Tête-a-tête - (фр.) свидание с глазу на глаз. (Не только Киппс, но и поправляющий его Филин тоже произносит неправильно: нужно: тет-а-тет).

перерывами, суждено было сохраниться на всю жизнь» [1, с. 26].

Как и большинство людей его круга, Киппс мечтает подняться на более высокую ступеньку общественной лестницы. Но если для его родственников и сотрудников – это всего лишь внешнее подражание верхушке общества, затрагивающее лишь форму носков обуви, высоту воротничков и фасоны пиджаков-визиток, правил поведения в обществе; то мечта Киппса о другой жизни связана прежде всего с миром культуры и знаний, с мечтой об образовании.

Для этого он делает все возможное в его положении: по дешевке покупает пять выпусков «Библиотеки самообразования» у такого же жаждущего знаний бедняка, оказавшегося на мели, и даже попытался их читать. Но «Избранное» Шекспира, «К вершинам знания» Бэкона и поэмы Роберта Гаррика – это слишком интеллектуальное чтение для человека, «чьи скудные познания в области английской литературы ... безнадежно улетучились из его памяти. Он читал и чувствовал, что все это красиво написано, но про что тут говорится и для чего, так и не мог взять в толк. Он знал: в литературе есть некий тайный смысл, но как до него доискаться - забыл» [1, с. 69-70].

И мучения Киппса заставляют нас ему сочувствовать: при других условиях образования и воспитания из него мог получиться талантливый ученый. Самокритичность этого человека сразу выгодно выделяет его из его же окружения. Киппс обнаруживает непроходимые трясины невежества, капканы, расставленные на каждом шагу – именно так он воспринимает свое незнание элементарных для образованных людей вещей. В течение всего романа он мучительно переживает свое несоответствие общепринятым нормам, свое неумение вести себя в избранном обществе, этот страх преследует его в снах: «в каждом костюме оказывался какой-нибудь беспорядок. И его подымали на смех ... Вот Киппс в костюме для гольфа, а на голове у него шелковый цилиндр. Потом на смену этому видению приходит кошмар: Киппс прогуливается по набережной в костюме шотландских горцев, и юбка прямо на глазах становится все короче и короче. А за ним спешит Шелфорд с тремя полисменами. «Это мой служащий, - говорит Шелфорд, - он сбежал...» [1, с. 138]. Разбогатец, купив себе новую модную одежду, Киппс «чувствовал себя ну прямо герцогом, однако (в глубине души) оставался все тем же скромным Киппсом» [1, с. 142]. И, в конце концов, он, конечно, попадает впросак, одев к фрачной паре красные домашние шлепанцы, вышитые золотом, а в лондонском ресторане ему так и не удается пообедать, т.к. он, несмотря на некоторый опыт провинциальной светской жизни, не справился со столовыми приборами.

«Почему Киппсу оказывается так трудно усвоить то, чему его пытаются научить в этом новом для него обществе? Потому, что он с детства оказался отрезан от чего-либо, имеющего отношение к культуре? Разумеется. Но не только поэтому. Беда в том, что у Киппса, по сути-то дела, и душа к этому не лежит: Нет, не к культуре как таковой, а к тому, во что превратило ее местное «общество». Киппс – своего рода «естественный человек», и он подспудно чувствует фальшь окружающего. Пока он влюблен в мисс Уолшингем, он предпринимает титанические усилия для того, чтобы «стать своим» в этом обществе. И она изо всех сил старается ему в этом помочь. Но чем больше она его поучает, тем более уязвляет его гордость и тем слабее оказывается его привязанность к так благорасположенной к нему учительнице. Тут-то и выясняется, к чести Киппса, что только любовь и сила обстоятельств, а отнюдь не социальный снобизм привели его в этот жалкий и много мнящий о себе мирок «светских людей». И он бежит из него со своей подругой детства – служанкой Энн. Потому, что ее он сейчас в самом деле любит. И еще потому, что ему снова хочется быть среди своих...» [23, с. 10].

Проблема самоутверждения личности в обществе – одна из самых востребованных тем в художественной литературе XX века. Такие «представления, идеи, умозаключения ... приобретающие для личности чрезвычайную ... значимость» [5, с. 16] имеют место и в романе Уэллса. Проникновение на более высокую ступень общества – навязчивая идея Киппса.

«Аршинник» (так называли когда-то торговцев мануфактурой) и культура – целая тема у Уэллса. Даже мистеру Полли, герою другого бытового романа Уэллса «История мистера Полли» – самому большому интеллигенту среди уэллсовских приказчиков – культура внушает ужас – правда, священный ужас. «В школе ему не удалось овладеть тайной произношения английских слов, поэтому он никогда не был уверен, что произносит слова правильно. Его школьный учитель был и косноязычен и многоречив. Новые слова повергали мистера Полли в ужас и одновременно очаровывали его. Он не умел их выговаривать, но они властно манили его, и он, зажмурив глаза, выпаливал их. Он взял себе за правило не обращать внимания на правописание слов. Он старался только не перепутать их значения. Но и это было дело нелегкое. Он старался избегать широко известных фраз и почти все слова произносил, коверкая, дабы его заподозрили не в невежестве, а единственно в стремлении к остроумию» [цит. по : 2, с. 8]. Мистеру Полли удалось оценить Рабле, но он так до конца своих дней и остался в уверенности, что имя этого автора произносится «Рабулюз». Он прочел «Декамерон», но полагает, что его написал «Бокашью»...

Что уж тут говорить о Киппсе! Время его пребывания в «хорошем обществе» – это период постоянных мучений. Здесь каждый что-то читал или, во всяком случае, о чем-то слышал, здесь правильно произносят слова и знают, как вести себя за столом, как одеваться, что когда говорить. Здесь все доброжелательны к нему, даже внимательны, а для него все происходящее – непрерывная череда унижений. Ему не до всяких там рабулюзов и бокашью. Почти каждая его свободная минута отдана изучению «Правил хорошего тона», а все без толку.

Близко общаясь с образованными людьми, Киппс вырабатывает особый стиль поведения: долгое время он наблюдал за ними, а затем «вскоре у него образовался кое-какой запас хвалебных присловий» [1, с. 211], которые он использовал к тем произведениям искусства, о которых с восхищением говорили все. Впрочем, боясь попасть впросак, он «предпочитал высказывать подобные суждения не дочери, а матери» [1, с. 211].

Киппс не лишен природной народной сметки. У каждого из своих новых знакомых он потихоньку учится хорошим манерам – у брата Эллен узнает о том, какие вина, когда и где надо заказывать, какие надо покупать сигары и газеты, мисс Филин обучает его азам знакомства с произведениями искусства по иллюстрированным изданиям «Сто

лучших картин», веснушчатая подружка Элен пытается исправить грамматику его речи и учит его правильно произносить слова на французском языке. Будущая теща помогала ему больше всех, и ее помощь он ценил более всего: она не читала ему лекций, не устраивала экзаменов, а ненавязчиво, тактично поучала, приводя полезные примеры для подражания. Эта пожилая дама рассказывая истории о каких-то знакомых, потихоньку объясняла Киппсу его промахи: «Совсем простой на вид, - например, говорила миссис Уолшингем. – а снял шляпу» [1, с. 212].

С миром богемы разбогатевшего Киппса знакомит пьяница-драматург, непризнанный гений Читтерлоу, пытающийся заставить его финансировать свою новую трагедию. «Предполагалось, что они принимаются – ни много ни мало – за преобразование английского театра, и Киппс оказался в одном ряду со многими именитыми любителями театра, в чьих жилах течет благородная и даже королевская кровь» [1, с. 161-162]. И Киппс, скрепя сердце, отдает 100 фунтов. Эта сумма ужасает его своими размерами, ведь еще неделю назад он жил на 20 фунтов в год. Но он чувствует себя обязанным другу, ведь именно Читтерлоу принес ему газетную заметку, в которой было помещено объявление о том, что разыскивается наследник мистера Уодди.

Может, в поведении Артура Киппса и проявляется ограниченность и мещанское происхождение, но, в отличие от своего хозяина мистера Шелфорда, герой Уэллса лишен самолюбования и уверенности, что одни деньги могут поднять его на более высокую ступень общества. И его ужасает тот факт, что он не может соответствовать необходимым стандартам.

Киппс все чаще находит нечто общее между миром приказчиков и слуг и миром верхушки общества: «Мир Филина был тот же, в котором обитал Киппс, - сперва у четы нью-ромнийских стариков, потом в магазине, только слегка подправленный, подчиненный и расширенный мир; то был, в сущности, мир заурядного английского обывателя. Здесь также остро было развито чувство общественных различий ... и так же сильна была боязнь всего, что может показаться «простонародным» [1, с. 216].

«Здесь говорят о другом, другими словами, но уровень суждений почти что тот же самый, и если сюда проникают какие-то новые идеи, то с большим опозданием и в форме моды» [23, с. 9].

Так выглядит, в частности, история с классом резьбы по дереву, который ведет мисс Уолшингем. Тогдашнему читателю этот эпизод романа говорил больше, чем теперешнему, поэтому здесь требуется несколько пояснительных слов. Дело в том, что в 1861 году известный поэт, писатель, дизайнер и теоретик искусства Уильям Моррис (1834–1896) основал немедленно прославившуюся фирму декоративно-прикладного искусства, целью которой было обновить английский художественный вкус, увести англичан от тяжеловесной роскоши богатых домов и убогого быта бедняков, вернуть в мир народное представление о прекрасном. За этими идеями Морриса скрывалась его глубокая социальная неудовлетворенность. Он не уставал говорить о том, как велика пропасть между богатыми и бедными, насколько порабощена и отрезана от культуры основная часть населения Англии. В 1883 году Моррис входит в Социалистическую лигу и скоро становится одним из руководителей первых социалистических организаций в Англии. Деятельность этой организации, в некоторой мере напоминает наше народовольческое движение, только более цивилизованное, менее революционное. Во всяком случае, налицо просветительская деятельность этих организаций, направленная на образование народных масс.

Но к тому времени, когда Моррис – уже социалист, мисс Уолшингем начинает приобщать Киппса к искусству резьбы по дереву... «Для Уэллса, который еще студентом именно через Морриса приобщился к социализму, все это выглядело достаточно карикатурно. Произносят ли когда-либо в этом кругу – разве что очень редко и с оттенком ужаса – слово «социализм»? Да и его ли только! Все они, конечно, слышали о Моррисе, но способны ли они услышать такие, например, его слова: «Благосостояние – это то, что дает нам природа, и то, что разумный человек может сделать из даров природы для своих разумных потребностей. Солнечный свет, свежий воздух, нетронутый лик земли, пища, одежда и жилье в необходимых размерах и благопристойном виде, накопление знаний всякого рода и способность их распространять, средства свободной связи между людьми; произведения искусства, красота, которую творит человек, когда он более всего человек, более всего погружен в размышления и настроен возвышенно, – все, что доставляет наслаждение людям свободным, благородным и неиспорченным. Вот это и есть благосостояние. Я не могу себе представить ничего, что действительно стоило бы иметь и что не подходило бы под ту или иную из перечисленных рубрик». Сколько благородной простоты в этих словах и сколько претенциозности в мирке, в который волею судеб попал Киппс! «Красота, которую творит человек» – и «класс резьбы по дереву», «средства свободной связи между людьми» – и «чай с анаграммами» [23, с. 8].

Моррис мечтал помочь людям вырваться из буржуазных буден. Но эти будни сумели самого Морриса поставить себе на службу.

И хотя герой Уэллса не может объяснить, почему так неожиданно при более близком знакомстве исчезает влюбленность в Элен и окончательно превращается во взаимоотношения «учитель-ученик», начинает замечать, что в ее отношении к нему появляется нечто материнское. Автор даже называет своего героя «воспитанником-влюбленным».

Разлад между героями наступает постепенно, но подспудно Киппс ожидает разрыва отношений с Элен. Может быть поэтому он никак не решается объявить о своей помолвке тетушке и дядюшке, живущим в городке Нью-Ромни.

Переломный момент в отношениях Киппса и Элен наступает на вечере анограмм, на котором молодой человек чувствует себя совершенно не на своем месте: долгое время он не понимает самого принципа салонной игры, к тому же Элен, желая облагородить неблагозвучную на ее взгляд фамилию своего жениха, переименовывает ее в «Квипис», анаграмма которой звучит для Киппса совершенной абракадаброй – «Ксивип». И в довершение всего, горничной в этом доме оказывается подружка его детства – Энн, за которой он, несмотря на помолвку с Элен, ухаживал, и которой так и не решился признаться в своем богатстве.

На этом светском мероприятии Киппс особенно остро ощущает свою чужеродность этому обществу, Элен кажется ему совершенной незнакомкой, он ощущает свою вину перед Энн. Когда же он слышит пренебрежительные отзывы жеманных столь смешно разодетых светских дам об искренней, хорошенькой Энн, то начинает ненавидеть всю эту кампанию, чувствуя к ним почти сословную вражду: «Все они тут дрянь, и анаграммы – чепуха и дрянь, и сам он, Киппс, дрянь и дурак, что пришел. ... Он ненавидел всю эту кампанию, всех вместе и каждого в отдельности. ... Ни одну не сравнить с милой, скромной, аккуратненькой Энн, ни у одной нет такой складной фигурки. ... Подумаешь, благородные леди! Стрекочат как сороки, всего у них вдоволь – и досуга и денег, и весь мир к их услугам, а они только и умеют, что набиться в какую-нибудь гостиную и тараторить про дурацкие анаграммы» [1, с. 283-284].

И в его душе начинает крепнуть уверенность в том, что «Хватит, надо со всем этим кончать!» [1, с. 284]. Он начинает мечтать о том, чтобы Элен вышла замуж за священника и оставила его в покое. Теперь его уже пугает планируемая его невестой светская жизнь в Лондоне. И маленькая квартирка, и чаепития, и иные развлечения, и неизбежное присутствие «братика» Элен (который так и не получил в романе собственного имени) и прочие радужные перспективы новой, лучшей жизни предстают перед ним в самом мрачном свете.

Осознание Киппсом все приближающегося разрыва с Элен и наступает для героя постепенно. Сначала его удивляет настороженное отношение Сиды и родственников к предполагаемому браку. Дядюшка Киппса, оказывается когда-то служил у графа Бопре, родственника Элен, которым она так гордится. И воспоминания у него об этом вельможе остались самые плохие: «...гляди, как бы тебя не провели, - пишет он племяннику, - ... Я в прежнее время служил у графа Бопре, он был очень уж скупой на чаевые и маялся мозолями... Гневливый был хозяин, никак ему бывало не угодишь...» [1, с. 242].

Самое убеждение друга детства в том, что в семье всем заправляет женщина, и если она захочет вести непривычную для Киппса светскую жизнь, то она сумеет заставить его жить так, как хочется ей, пугает Киппса. Горькой неожиданностью для Киппса становится «прискорбная истина, что путь из низов в верхи общества усыпан обломками разбитых дружб, и это неизбежно» [1, с. 206].

В «Киппсе» Уэллс больше, чем в других упомянутых романах, стремится не выходить за пределы некоей «усредненной реальности», но это ему не всегда удается, и на его полотне то и дело возникают яркие пятна подлинных человеческих чувств, неожиданных даже для самих героев поступков, оригинальных характеров, вспыхивают мечты о прекрасном.

А сколько всего этого в «Истории мистера Полли»! В этом романе, написанном через пять лет после «Киппса», Уэллс снова возвращается к истории приказчика, которому удалось открыть собственную лавку, причем у нового его героя немало преимуществ перед Киппсом. Он гармоничнее, начитаннее, его не тянет в чужую среду, а потому у него нет и комплекса социальной неполноценности. Годы его ученичества скрашены дружбой с двумя другими молодыми приказчиками, один из которых – фигура явно романтическая. Он вынашивает идею нового оформления витрины мануфактурного отдела, а затем в рукопашной схватке с заведующим пытается отстаивать свое творение. И все-таки романы Уэллса из жизни «низшего среднего класса», как называют в Англии мешанство, – это прежде всего романы о томительном течении будней.

Это была новая тема для европейской литературы. На сцену ее принесли Ибсен и Чехов, в повествовательную литературу европейского континента – Флобер, в Англии среди первых и самых заметных оказался Уэллс.

Заслуга его была тем значительнее, что именно в Англии творил Диккенс, великий певец повседневности, сумевший увидеть в ней богатство человеческих возможностей. Уэллс тоже помнит об этих возможностях, только они остаются у него возможностями нереализованными.

Литература

1. Уэллс Г. Киппс. Самовластие мистера Парэма. – М.: Изд-во Правда, 1983. – 640 с.
2. Джек Лондон. Мартин Иден. – К.: Дніпро, 1976. – 347 с.
3. Маяковский В.В. Избранные произведения в 2-х томах. – Т. 2. - М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 592 с.
4. Кагарлицкий Ю.И. Предисловие // Уэллс Г. Киппс. Самовластие мистера Парэма. – М.: Изд-во Правда, 1983. – С. 3-20.
5. Никитин Е. П., Харламенкова Н. Е., Проблема самоутверждения личности философии и психологии, Вопросы философии, 1995, № 8.